

Иван Иванович Панаев

Сегодня и завтра

Иван Панаев

Сегодня и завтра

«Public Domain»

1834

Панаев И. И.

Сегодня и завтра / И. И. Панаев — «Public Domain», 1834

«Какъ-то разъ вечеромъ, въ іюнѣ или іюлѣ — не помню, знаю только, что это было въ воскресенье, нѣсколько лѣтъ назадъ тому, у Елагина моста, поодаль отъ толпы, которая окружала музыку, стоялъ молодой человѣкъ, очень недурной собою, въ новомъ сюртукѣ, съ лорнетомъ на золотой тоненькой цѣпочкѣ и съ толстой палкой въ рукѣ...»

Содержание

I.	5
II.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Иван Иванович Панаев

Сегодня и завтра

Повѣсть

*Oh! demain, c'est la grande chose!
De quoi demain sera-t-il fait?
L'homme aujourd'hui sème la cause,
Demain Dieu fait mûrir l'effet...*

V. Hugo.

I.

Какъ-то разъ вечеромъ, въ іюнѣ или іюлѣ – не помню, знаю только, что это было въ воскресенье, нѣсколько лѣтъ назадъ тому, у Елагина моста, поодаль отъ толпы, которая окружала музыку, стоялъ молодой человѣкъ, очень недурной собою, въ новомъ сюртукѣ, съ лорнетомъ на золотой тоненькой цѣпочкѣ и съ толстой палкой въ рукѣ. Онъ невнимательно разговаривалъ съ какимъ-то гвардейскимъ пѣхотнымъ офицеромъ и съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ на все его окружающее, на все мелькавшее передъ глазами его; съ большимъ самоудовольствіемъ *охорашивался*, и, казалось, очень былъ доволенъ своимъ новымъ сюртукомъ, лорнетомъ и своею толстой палкой. Видно было, что онъ принадлежалъ еще къ той свѣтлой порѣ жизни, когда не знаешь границъ между мечтой и существенностью, когда не умѣешь отдѣлать поэта отъ человѣка, художника отъ его созданія; когда каждому пожимаешь руку отъ сердца: когда смотришь на поэта, и не можешь на поэта насмотрѣться, и все ищешь на лицѣ его знака святости, небеснаго наитія... Счастливый возрастъ! Молодой человѣкъ старался скрыть свое самодовольствіе, но оно противъ воли вырывалось въ каждомъ его движеніи, выказывалось въ каждомъ взглядѣ. И могъ ли онъ скрыть его? Онъ еще не зналъ, что это равнодушіе ко всему, что этотъ непереносимый эгоизмъ, что это вѣчное бездушіе – разочарованіе свѣтскаго *фата*, которому онъ хотѣлъ подражать, пріобрѣтается нелегко и нескоро. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы пролежать нѣсколько часовъ въ театрѣ спиною къ сценѣ, съ лорнетомъ вставленнымъ въ глазъ, съ лицомъ, на которомъ крупными буквами, какъ на выставкѣ, начертано: *мнѣ все надоѣло*, о, да для этого сначала надо постигнуть тайну раззолоченныхъ залъ, потерѣться нѣсколько лѣтъ въ расцвѣченныхъ будуарахъ. Вы думаете, что можно изъ подражанія зѣвать въ то время, когда другіе плачутъ; говорить развалившись съ какой-нибудь блистательной княгиней о прелестяхъ любви, и въ ту же минуту смотрѣть въ потолокъ; не отвѣчать на вопросъ, который вамъ дѣлаютъ, или отвѣчать совсѣмъ не на то, о чемъ васъ спрашиваютъ – вы думаете, что все это можно изъ подражанія? Нѣтъ, вы ошибаетесь господа! Я слыхалъ, какъ мальчики въ 19 лѣтъ, впервые появившись въ гостиную, хотѣли корчить разсѣянныхъ, невнимательныхъ, безпечныхъ. Боже мой! какъ, говорятъ, они были карикатурны, смѣшны! они, которые хотѣли слыть умниками, открыто прослыли дураками, – и можетъ быть отъ этого должны были, покраснѣвъ, покинуть гостиную, гдѣ они мечтали произвести эффектъ и услышать рукоплесканія.

Но молодой человѣкъ, стоявшій у Елагина моста и разговаривавшій съ офицеромъ, вовсе не подозрѣвалъ, до чего можетъ довести это соблазнительное подражаніе. Впрочемъ, онъ не принадлежалъ къ этимъ 19-тилѣтнимъ юношамъ. Совсѣмъ нѣтъ. Въ его глазахъ было слишкомъ много души и воли, въ его движеніяхъ, несмотря на ихъ неловкость, слишкомъ много благородства.

Какой прелестный былъ этотъ вечеръ, тихій, жаркій, роскошный вечеръ! Сколько было гуляющихъ, развѣзжающихъ, сколько дамъ въ богатыхъ коляскахъ, которыя остановились у дворцовой караульни слушать музыку, и какъ эти дамы были плѣнительны и сколько около этихъ колясокъ разсыпалось и развѣвалось бѣлыхъ султановъ, и какъ играла музыка, и какъ это все пестрѣло передъ глазами, блестѣло и очаровывало! Мудрено ли, что молодой человѣкъ былъ въ полномъ самозабвеніи, въ полномъ восторгѣ; что онъ не пропускалъ ни одного экипажа четвернею, за которымъ стоялъ огромный егеръ съ эполетами и съ султаномъ, или лакей, увѣшанный гербами, такой нарядный и гордый? Мудрено ли, что онъ немножко завидовалъ этимъ офицерамъ съ бѣлыми султанами, которые такъ ловко, такъ безопасно, такъ небрежно, облокотившись на дверцы колясокъ, разговаривали съ этими прелестными, разноцвѣтными дамами? Мудрено ли, что онъ пропускалъ безъ вниманія людей очень замѣчательныхъ – *молодыхъ чиновниковъ* въ вицъ-мундирахъ или разноцвѣтныхъ сюртучкахъ съ бѣлыми подбоями, съ затянутыми въ рюмочку таліями, съ черными бархатными или плисовыми лампасами на панталонахъ, съ пестрыми сборчатыми глостуками, въ серединѣ которыхъ были искусно вдѣланы розетки и искусно воткнуты булабочки съ разноцвѣтными стеклышками, галстуки – чудо искусства, которыми надѣляли ихъ магазины Чуркина и Розинскаго? Эти чиновники, прогуливавшіеся пѣшечкомъ изъ города или доѣзжавшіе на извозчикахъ до Карповскаго моста, преимущественно расхаживали около музыки и искусно помахивали тоненькими тросточками подѣ морь, и, проходя напримѣръ мимо секретаря посольства или какого-нибудь камеръ-юнкера пресзначительно измѣряли его съ ногъ до головы своими взорами, и для того, чтобы показать, что и *мы* кое-что значимъ, бормотали по обыкновенію очень пріятнымъ голосомъ *тра-ля-ля тра-ля-ля*, или что-нибудь подобное. Мимо военныхъ они почти всегда проходили, потупивъ глаза въ землю, безъ всякихъ припѣвовъ, и, нагулявшись у музыки, отправлялись догуливать воскресенье на Крестовскій островъ... Мудрено ли, что эти люди, очень, кажется, замѣчательные, были пропущены молодымъ человѣкомъ безъ всякаго вниманія, хотя они часто проходили взадъ и впередъ мимо его, и каждый разъ оглядывали его, и каждый разъ, подходя къ нему, затягивали носомъ свои обычные пѣсни?... мудрено ли? Передъ нимъ мелькали бѣлые султаны, и радужные цвѣта, и щегольскіе кабріолеты, и молодые камеръ юнкеры, и блестящіе аксельбанты...

Молодой человѣкъ былъ очень доволенъ гуляньемъ. Офицеръ, который стоялъ съ нимъ, едва успѣвалъ удовлетворять его любопытству, едва успѣвалъ отвѣчать на безпрестанные вопросы его: «кто это такой? кто это такая? чей это экипажъ?»

На другой сторонѣ моста показалась прелестная шляпка, выказалась изъ-за толпы чудесная талія, – онъ схватилъ офицера за руку и хотѣлъ увлечь его на ту сторону, какъ вдругъ мостъ загудѣлъ, и надъ ухомъ его раздался визгливый голосъ фрейтора.

Онъ отшатнулся... Промелькнула коляска, запряженная четвернею вороныхъ лошадей, съ двумя огромными лакеями; въ коляскѣ двѣ дамы и рядомъ съ коляскою на картинномъ конѣ офицеръ съ бѣлымъ султаномъ.

Съѣхавъ съ моста, кучеръ, немного пошатнувшись назадъ, мастерски сдержалъ лошадей... Коляска въ минуту остановилась. Офицеръ съ бѣлымъ султаномъ – это былъ кавалергардъ – съ неописанною ловкостью, съ удивительнымъ искусствомъ осадилъ своего коня, погладилъ его шею: благородный конь тряхнулъ головою; зыбкій, бѣлый султанъ прихотливо рассыпался на шляпѣ кавалергарда; кавалергардъ наклонился къ одкой изъ дамъ, сидѣвшихъ въ коляскѣ, и заговорилъ съ ней.

Все это было мгновеніе. Молодой человѣкъ очутился у самой коляски, посмотрѣлъ на дамъ, сидѣвшихъ въ ней, потомъ на кавалергарда – и оборотился назадъ, вѣроятно для того, чтобы спросить у своего знакомаго: кто эти дамы? кто этотъ кавалергардъ? Знакомаго не было возлѣ него, онъ потерялъ его въ толпѣ. Десятый часъ! – какъ скоро прошло время!

Заря кончалась. Кавалергардскій караулъ стоялъ подѣ ружьемъ...

«На молитву!» – раздалась команда дежурного. Карабины дружно брякнули. «Каски долой!» Трубачь прочитал молитву. Экипажи двинулись к мосту. Коляска, в которой сидели две эти дамы, потянулась также вслед за другими экипажами... Кавалергарды возле коляски... Молодой человек бездельно за этою коляскою...

И вот коляска съехала с моста; и вот помчалась; и вот взвилось облако пыли. Молодой человек остановился... Он глядел вдаль... Коляски уже не было видно; лишь виднелся белый султан, нжно колеблемый вечерним втерком...

* * *

Бдный молодой человек!

Возвратясь с Елагина острова, он бросился на широкий диван в своем новом, изящном сюртуке и не побоялся смять его! Он отослал лакея не раздеваясь, и лакей врно был очень доволен этим, потому что, стоя перед баринком со свчой в руке, с вскокоченными волосами, с полуоткрытыми глазами, он беспрестанно спотыкался физиономией на свчку и преспокойно спалил себя правый висок.

Барин не замечал этого: и до того ли ему было! Барин закрыл глаза – и перед ним нарисовалось личико, и какое личико! Оно было во сто раз лучше всех фантазий Гравсдона – и куда же Гравсдону было создать такое личико!.. Темно-голубые глаза, в которых сверкали и душа, и мысль, и чувство, и страсть; шелковые темно-русые кудри, небрежно выпадавшие из-под прозрачной воздушной белой шляпки; улыбка, придававшая несказанную прелесть прелестному личику, улыбка – обворожение, полуоткрытые уста, полуоткрытый ряд зубов, которые блистали, как перлы...

И это личико не было воздушным идеалом, который всегда можно смахнуть одним мановением очей... О, нть, совсем нть! Он видел это личико не в мечте, он любился им не в грезе... Полно, правда ли? Где же он видел его?.. Елагин остров... четверня вороных коней... белый султан... и везде непременно этот белый султан, зыбкий, рассыпчатый, красивый... Мысли молодого человека стали мшаться... и вот он в зал, и зала вся блещет огнями, кавалергардская музыка... и вот он несется в вихрь вальса, рука его обвилась около тонкого, гибкого стана... он танцует с ней! Музыка гремит – и он летит, летит под ее звучный лад... Перед очами его темно-голубые очи, очи его Мадонны; перед ним это небесное личико; он так близко к устам ее, он пьет ее дыхание... и она так приветно на него смотреть...

Не знаю, долго ли он лежал на диване и много ли грезил, но наутро он проснулся на своей постели; возле изголовья стоял, по обыкновению, маленький стол, а на столе колокольчик. Он позвонил; лакей поднял штору и остановился перед постелью его с бессмысленной улыбкой и с опаленным виском.

Пять или шесть дней молодой человек влачился между мечтою и жизнью, между видением и существенностью, между блаженством и мукою, между темно-голубыми очами своей возлюбленной и опаленным виском своего лакея.

Так он был влюблен? Бдный молодой человек!.. Он только что начинал любить и еще не знал, *кого* любить; он безпечно предавался мечте чародейке, мечте-отравительнице! Он точно был поэт: он только что взглянул на Божий мир – и мир показался ему свтлым, радужным. Это был первый взгляд на жизнь, взгляд доверчивый, когда мы ко всем простираем горячие объятия – и довольные жизнью засыпаем беззаботно крепким сном.

Правда, молодой человек знал, что обществу не может имать и не имать равенства: что есть на свете аристократия или высшее сословие, потом среднее, потом поколенье чиновников, и т. д.; но кто же не знает этого? Правда, он таки-видал молодежь высшего круга,

онъ таки-былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ этого круга, онъ замѣтилъ, что эти люди *отъ головы до пятокъ имѣютъ на себѣ особый отпечатокъ*; онъ уже успѣлъ заимствовать у этихъ людей многое: и небрежный видъ, и модный покрой платья... но познанія его объ обществѣ не простирались далѣе, а съ такими познаніями нельзя было уйти далеко.

Бѣдный молодой человѣкъ! Однажды (это было, какъ я сказалъ уже, черезъ пять или шесть дней послѣ вечера на Елагиномъ) онъ шелъ по Англійской набережной... Петербургскій климатъ ужасно какъ непостояненъ и измѣнчивъ, да я и не знаю, есть ли что въ Петербургѣ постоянное и неизмѣнчивое? Часовъ въ 11 утра, когда молодой человѣкъ вышелъ изъ дома, было солнце: онъ вышелъ въ одномъ сюртукѣ и не подумалъ, что можетъ вдругъ пойти дождь, а дождь вдругъ пошелъ сильный, проливной. Это было въ исходѣ второго часа. Онъ добѣжалъ до перваго подъѣзда и остановился подъ навѣсомъ. Подъ этимъ навѣсомъ спасались отъ дождя какая-то дѣвушка съ платочкомъ, накинутымъ на голову, и съ картонкой въ рукѣ и сенатскій чиновникъ въ полиняломъ вицъ-мундирѣ съ воротникомъ, вмѣсто зеленаго, цвѣта осеннихъ листьевъ. Этотъ чиновникъ очень умильно поглядывалъ на дѣвушку, и потомъ улыбался съ самодовольствіемъ, и потомъ смотрѣлъ вверхъ на навѣсъ, и потомъ опять на дѣвушку. Молодой человѣкъ сталъ между ними.

Дождь не переставалъ. Черезъ нѣсколько минутъ чиновникъ кашлянулъ, поправилъ свой суконный жилетъ и обратился къ дѣвушкѣ: «Странно-съ! А дождь-то все идетъ-съ. Что съ нимъ будешь дѣлать?» – Потомъ онъ улыбнулся и посмотрѣлъ вверхъ. Дѣвушка молчала. Спустя еще нѣсколько минутъ, онъ снова оборотился къ дѣвушкѣ: «А что-съ? вѣдь васъ бы промочило, если бы вы теперь пошли?» Потомъ онъ снова улыбнулся и посмотрѣлъ вверхъ. Дѣвушка ничего не отвѣчала. Только при этомъ она, надувъ губы, отвернула голову въ сторону.

Въ эту минуту раздался издали громъ колесъ по мостовой, ближе, ближе – и вдругъ громъ смолкъ. Карета, запряженная четвернею вороныхъ коней, съ двумя лакеями сзади, подкатилась къ подъѣзду. Сенатскій чиновникъ прижался къ углу, дѣвушка посторонилась. Молодой человѣкъ взглянулъ на ливрею – и его сердце забилося, забилося... Дверцы кареты отворились – у него замеръ духъ... Изъ кареты мелькнула дама и исчезла, мелькнула другая и исчезла... Эта другая была – она!

Онъ видѣлъ ея маленькую, стройную ножку, видѣлъ, какъ эта ножка коснулась тротуара и порхнула въ дверь, но она все-таки коснулась тротуара – и онъ, безумецъ, и онъ готовъ былъ поцѣловать это мѣсто, до котораго коснулась ножка... Вогъ какъ онъ любилъ ее! А она и не замѣтила его – и можно ли было ей замѣтить какую-то группу, смиренно пріютившуюся отъ дождя у подъѣзда? Это такъ обыкновенно. Передъ ней мелькнули какія-то три фигуры – только!

Бѣдный молодой человѣкъ! Онъ уже давно зналъ ее: онъ встрѣчалъ ее то на гуляньяхъ, то во французскомъ спектаклѣ; онъ такъ завидовалъ этимъ гордымъ господамъ, которые одинъ за другимъ толпились въ той ложѣ, гдѣ сидѣла она; ея личико такъ сошлась съ его видѣніемъ, съ его мечтою, что онъ скоро началъ смѣшивать мечту съ существенностью, картину съ жизнью.

Однѣ изъ лакеевъ остался у подъѣзда...

– Черезъ полчаса подавай! – закричалъ онъ кучеру: – опять на дачу.

Молодой человѣкъ схватилъ лакея за руку. Лакей преважно посмотрѣлъ на него.

– Чья это карета? – спросилъ онъ его... И голосъ молодого человѣка дрожалъ.

Лакей снова съ пренебрежніемъ посмотрѣлъ на него.

– Князя В*, – отвѣчалъ онъ грубо.

– А кто эти дамы?

– Княжна, его дочь, и сестра князя.

– А кто этотъ кавалергардскій офицеръ, который въ воскресенье былъ съ ними на Елагиномъ острову?

Лакей, кромѣ пренебреженія, въ этотъ разъ посмотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ.

– Кто этот офицеръ? – повторилъ молодой человѣкъ громкимъ и повелительнымъ голосомъ.

– Какой офицеръ-съ? Я не знаю-съ! У ея сіятельства женихъ въ кавалергардскомъ полку, – отвѣчала лакей, внезапно оторопѣвъ отъ такого голоса.

II.

*See, how she leans her cheek upon her hand;
O that I were a glowe upon that hand,
That, I might touch that chock!...*
«Romeo and Juliet» Shakspeare.

Какъ мила княжна Ольга! Вглядитесь въ эти страстные очи: въ этихъ очахъ вамъ выскажется душа ея; полюбуйтесь этими рѣсницами, этими длинными, темными волосами шелковыхъ кудрей, этими устами, на которыхъ бы умереть въ поцѣлуѣ, этою простодушною ловкостью, этою привѣтливою улыбкою. Посмотрите, какъ она легка, воздушна, какъ она создана быть княжной, блистать въ позолоченныхъ залахъ, вдохновлять любовью, очаровывать съ перваго взгляда! Ея очи – да это цѣлый міръ любви! не этой свѣтской, жалкой любви, о которой болтають въ гостиныхъ, нѣтъ – любви поэтической, о которой мечталъ пламенный Шиллеръ и которую называютъ люди безуміемъ.

Вамъ, можетъ быть, покажется это смѣшно? Шиллеровскій идеаль въ аристократическихъ гостиныхъ XIX вѣка, шиллеровскій идеаль въ Сихлеровой шляпкѣ! Но что жъ мнѣ дѣлать, если княжна точно была такова? Пусть она будетъ для насъ анахронизмомъ въ наше время, странною, чѣмъ хотите, – но я повторяю, она, въ самомъ дѣлѣ была такова. Чуждая напыщенности и той пошлой гордости, выражающейся такъ смѣшно, такъ некрасиво на *иныхъ* личикахъ, княжна была горда, не по огромности и узорчатости своего княжескаго герба, а по чувству собственнаго достоинства. Ея гордость не была бессмысленна, и потому она придавала ей плѣнительную величавость, благородство невыразимое, рѣзко отличавшее ее отъ другихъ, и которое, несмотря на это, можно было пріобрести только въ высшемъ кругу, гдѣ все наружное доведено до возможной степени изящнаго. Княжнѣ было 19 лѣтъ; она была высока и стройна, она была немножко кокеткой, но это кокетство такъ шло къ ней. Впрочемъ. нѣтъ, я ошибся: то было не кокетство, а утонченность воспитанія, ослѣпительная, обворожающая, родная для нея стихія придворной жизни, которая ярче, чѣмъ на другихъ, отражалась на ней. Кокетство – слово слишкомъ простонародное. Кокетокъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, вы встрѣтите въ другомъ кругу петербургскаго общества: этихъ женщинъ, которыя съ жалкимъ усиліемъ желаютъ нравиться, выставляютъ себя, *сентиментальничаютъ*, немножко ломаются, иногда дѣлають нѣжные глазки и вообще производятъ на васъ такое впечатлѣніе, какое производитъ варенье, когда вы его неумѣренно покусаете. Когда княжна задумывалась, она была еще милѣе, если только допустить, что она могла быть милѣе обыкновеннаго.

Раскинувшись на штофной кушеткѣ въ одной мзѣ своихъ комнатъ на каменноостровской дачѣ, она съ дѣтскою наивною смотрѣлась въ трюмо сквозь плюшевую рѣшетку и съ дѣтскою прихотью оторвала листокъ плюща и играла съ листкомъ: вертѣла его въ своихъ бѣлыхъ, нѣжныхъ ручкахъ, прикладывала его къ губамъ – и потомъ свернула его и бросила съ досадою на цвѣтистый коверъ. Но не листокъ занималъ княжну: ея сердце такъ билось, ея бархатная грудь такъ роскошно и такъ сильно дышала, сжатая корсетомъ... Отчего это такъ билось ея сердце, отчего тмкъ часто дышала грудь ея?

Она замечталась, моя княжна; она было вздумала сначала читать, но книга раскрытая осталась на той страницѣ, на которой она развернула ее. Мечта взяла верхъ надъ книгою. Она мечтала о томъ кавалергардскомъ офицерѣ, который въ воскресенье на Елагиномъ былъ возлѣ ея коляски. Странная прихоть! Княжнѣ вдругъ захотѣлось вырвать перышко изъ его чудеснаго султана и гладить это перышко... и поцѣловать его. Вотъ почему она сорвала листокъ плюща и вертѣла его въ рукахъ и подносила къ своимъ губкамъ. Можетъ статься, она воображала, что это перышко изъ султана, и потомъ, разочаровавшись, увѣрясь, что это просто листокъ,

она бросила его на ковер... Вдруг княжна привстала съ кушетки, посмотрѣла на часы съ мраморнымъ изваяніемъ. Стрѣлка показывала половину четвертаго. Она немного сморщила лобъ, немного нахмурилась. *Онъ* сегодня у насъ обѣдаегъ. Отчего же такъ долго не ѣдетъ онъ? А княжна знала, что у нихъ садятся за столъ не ранѣе пяти часовъ.

«Зачѣмъ его нѣтъ здѣсь теперь?» Она сорвала опять листокъ – и въ минуту разщипала его и бросила. И потомъ, облокотясь на глазетовую подушку, на которой, будто живой, рисовался букетъ нарциссовъ, опять замечталась. Она была такъ счастлива: еще только двѣ недѣли, какъ она была невѣстою, и невѣстою человѣка, который давно былъ избранникомъ ея сердца, завѣтною тайною ея мыслей, человѣка, къ которому она привыкла съ самаго дѣтства, безъ котораго ей была бы скучна жизнь. И вотъ княжна замечталась о его добромъ, благородномъ сердцѣ, о его пылкой любви, о томъ, какъ онъ хорошъ въ красномъ бальномъ мундирѣ, о томъ, какой будетъ у нея экипажъ, какая ливрея, какъ они будутъ дѣлать визиты, *абонируютъ*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.